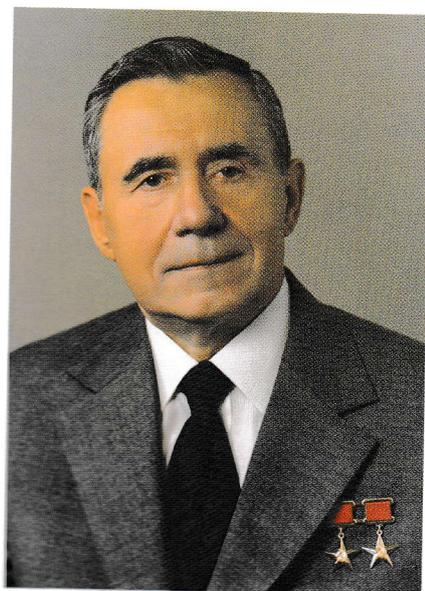

«ВОЙНА МЕЖДУ ГОСУДАРСТВАМИ – ВЕЛИКОЕ ЗЛО»

Алексей Громыко

В июле этого года исполнилось 110 лет со дня рождения Андрея Андреевича Громыко, советского дипломата и государственного деятеля, в 1957–1985 годах занимавшего пост министра иностранных дел СССР, а с 1985-го по 1988-й – Председателя Президиума Верховного Совета СССР. Об истоках формирования личности и о начале профессиональной деятельности своего легендарного деда рассказывает его внук, Алексей Анатольевич Громыко, директор Института Европы РАН, член-корреспондент РАН, доктор политических наук.

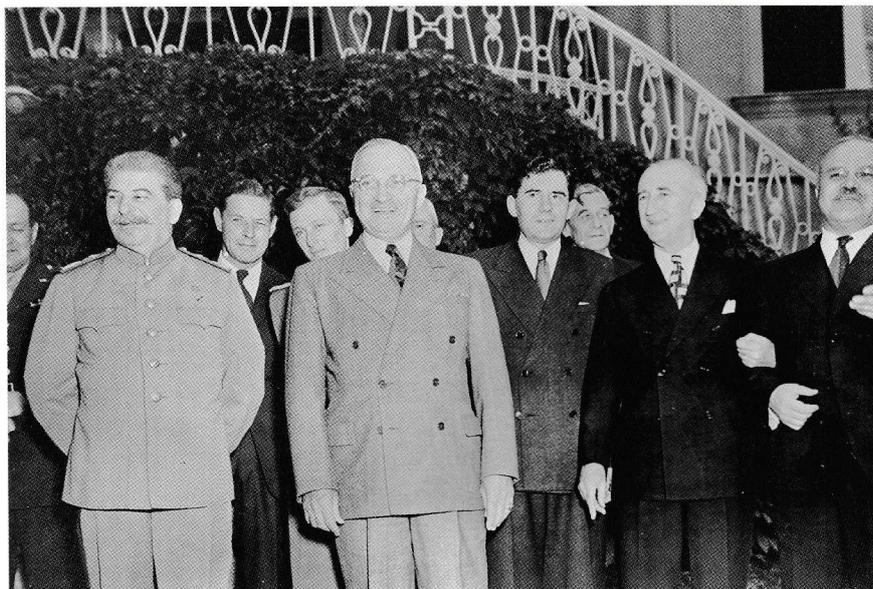

А.А. Громыко

Рассказывая об Андрее Андреевиче Громыко, обычно обращаются к той части его биографии, которая начинается с 1939 года, когда он поступил на работу в Народный комиссариат иностранных дел. Действительно, то была яркая и стремительная карьера молодого человека, который в 1934 году, в возрасте 25 лет, впервые в своей жизни оказался в Москве, куда с семьёй переехал из Минска. Уже через пять лет он направляется на работу в советское посольство в Вашингтоне в ранге советника. И спустя неполные четыре года, в 1943 году, становится послом СССР в США, заме-

нив на этом посту М.М. Литвинова. По существу, он оказался в одном из главных нервных узлов мировой политики, где наравне с Москвой и Лондоном принимались судьбоносные решения, касавшиеся ведения войны, открытия Второго фронта, создания Организации Объединённых Наций, послевоенного мироустройства.

Приезд Громыко в американскую столицу произошёл в ноябре 1939 года, то есть уже после начала Второй мировой, незадолго до окончания «Странной войны» в мае 1940 года и за полтора года до того, как разразилась Великая Отече-

Иосиф Сталин, Гарри Трумэн, Андрей Громыко, Джеймс Бирнс и Вячеслав Молотов во время Потсдамской конференции, Германия. 18 июля 1945 года

ственная. Эти эпохальные события меняли судьбы сотен миллионов людей, заставляли их мобилизовать все свои внутренние ресурсы, чтобы выжить в нещадном водовороте событий. Работа А.А. Громыко в США в экстремально напряжённых условиях, под надзором одного из самых могущественных людей на земле – И.В. Сталина и в теснейшем контакте с другим – Ф.Д. Рузвельтом, выявила его исключительные способности и качества. Он же, в свою очередь, получив уникальный опыт работы в выпавших на его долю обстоятельствах, обрёл знания и закалку, предопределившие его дальнейшие достижения в дипломатии.

Хотелось бы отметить одну особенность первой половины жизни А.А. Громыко, которая до сих пор так не оценивалась. Действительно, он «отдал Отчизне полвека», как написано на памятнике Андрею Андреевичу на Новодевичьем кладбище, – имеется в виду период с 1939-го по 1988 год, то есть до его выхода на пенсию с поста Председателя Президиума Верховно-

го Совета СССР. С одной стороны, человек проработал эти 50 лет в сердцевине советского государства, но одновременно долгое время был в определённом смысле внесистемным его представителем.

Имеется в виду следующее. До 1939 года Громыко не помышлял о государственной службе, работал в Институте экономики Академии наук СССР, в котором в 1936 году защитил кандидатскую диссертацию

по экономике. Поступив на работу в НКВД, он в тот же год уехал в Соединённые Штаты, где оставался, за исключением многочисленных, но краткосрочных командировок, до 1948 года. Затем в 1952–1953 годах работал послом в Лондоне. Другими словами, Андрей Андреевич, став дипломатом, в общей сложности прожил в Москве до смерти Сталина считанные годы, а всё остальное время продвигал государственные интересы за рубежом. В результате атмосфера, царившая в Москве в органах власти, драматические переплетения человеческих отношений и судеб затрагивали его в основном косвенно. Несмотря на молодость и пристальное отношение к себе сурового руководства страны, он уже тогда проявил завидные черты своего характера. Так, документы демонстрируют, что Громыко на критические послания в свой адрес А.Я. Вышинского или В.М. Молотова, когда считал критику несправедливой, отвечал прямо и, не боясь, отстаивал своё мнение.

Став министром иностранных дел, и особенно после избрания первым секретарем ЦК КПСС

Андрей Громыко подписывает Устав ООН

Джон Кеннеди и Андрей Громыко

Л.И. Брежнев в 1964 году, Громыко сделал многое, чтобы оградить советскую дипломатию от чрезмерного влияния идеологии, делая упор в работе с иностранными партнёрами на реализм, прагматизм и выработку взаимоприемлемых компромиссов. С максимальной силой это проявилось в 1973 году, когда он стал членом Политбюро. По большому кругу вопросов, в первую очередь относящихся к капиталистическим странам, Громыко минимизировал влияние на внешнюю политику аппарата ЦК.

И всё же, вступил на путь государственной службы он только в 1939 году, будучи к тому времени уже взрослым, сложившимся 30-летним человеком. Но как до этого формировались его внутренний мир, интересы и пристрастия? Какие ценности и представления о жизни впитал он с детства? Тем более, что Громыко обладал феноменальной памятью и яркие воспоминания о своём детстве и отрочестве всегда сопровождали его.

Два слова о его памяти. Об этом много рассказано членами его семьи и теми, кто работал с ним. Сам он своё отношение к этому феномену излагал с помощью следующего

примера из истории Древней Греции. Философ Демокрит прожил более 100 лет. На закате дней он вдруг лишился зрения. «Зачем ты это сделал?» – спросили его. Мудрец ответил: «Чтобы лучше видеть...»

Один из эпизодов на тему памяти из жизни самого Андрея Андреевича. В далёком детстве на него большое впечатление произвела книга «Живописная астрономия» французского учёного Камилля Фламариона. В издании, которое он ребёнком раздобыл,

под первым рисунком стояла подпись: «Земля наша несётся на крыльях времени, стремясь к неведомой цели...» С тех пор и до начала 1980-х годов эта работа ему больше не встречалась. Через 65 лет на его запрос сотрудники Ленинской библиотеки поинтересовались, а какое именно издание этого произведения он ищет. Громыко по памяти воспроизвёл приведённую фразу – и книгу нашли.

Чтение и любовь к нему сыграли в жизни Андрея Андреевича огромную роль. Чтобы достать интересные его книги, для него было обычным делом преодолеть расстояние и в 30, и в 40 километров. За книгами он ходил в соседние деревни, сёла, в центр волости. По его словам, он «глотал книги». Это были, например, произведение немецкого учёного Вильгельма Бёльше «Любовь к природе», работы историка М.Н. Покровского, рассказы о путешествиях Джеймса Кука, произведения Пушкина, Гончарова, Тургенева, Гоголя. Громыко вспоминал, что мог цитировать отдельные страницы книг.

Генеральный секретарь Организации Объединённых Наций Курт Вальдхайм во время приема у министра иностранных дел СССР А.А. Громыко. Москва, 18 июля 1972 года

Леонид Брежнев, Джимми Картер и Андрей Громыко

Особое впечатление произвели на него «Одиссея» в переводе Жуковского и «Илиада» в переводе Гнедича. Гомер помог ему полюбить живопись.

Так, одной из любимых его картин стало полотно Жака Давида «Прощание Гектора и Андромахи», которое находится в Музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. Он считал эту картину воплощением силы любви и силы мужества. Многим позже настольной книгой в жизни Андрея Андреевича станет «Фауст» Гёте. Помню это хорошо сам. Как-то в первой половине 1980-х годов, когда вместе с дедом был на отдыхе в Крыму, зашёл в его пляжный домик. Там на столе лежал «Фауст». Я полюбознательствовал и раскрыл книгу: внутри она была полна пометок. Кстати, «Фауст» сподвиг самого Громыко на занятие стихосложением, пусть и ненадолго. Этот секрет он впервые поведал читателю в своей книге воспоминаний «Памятное».

Но откуда такая тяга к чтению? Уверен, что дело было во влиянии староверческой среды, в которой прошло его детство, а в родной деревне Старые Громыки он прожил почти 15 лет. Ближайшим рай-

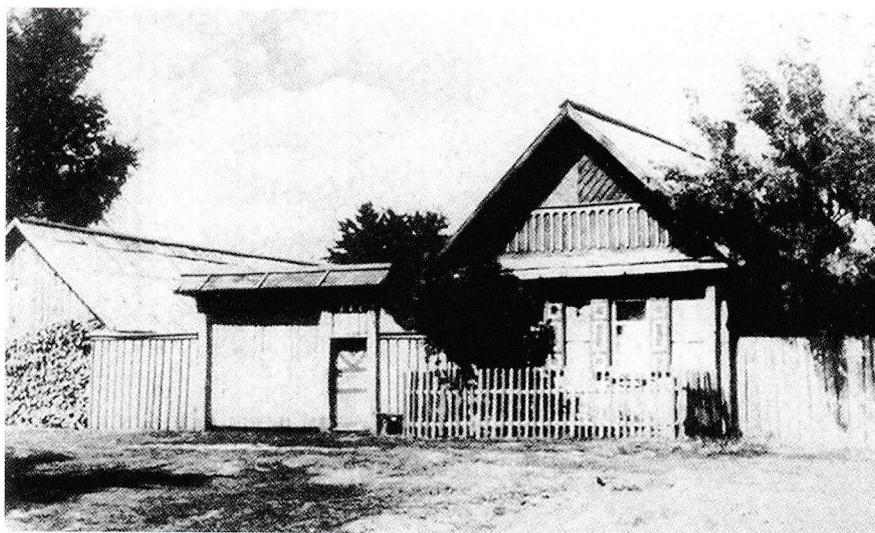
онным центром был городок Ветка. Он и стал после раскола церкви в середине XVII века одним из крупных поселений тех православных, кто не принял реформы патриарха Никона. Гонения на Ветку происходили и при императрице Анне Иоанновне, и при Екатерине II. Именно в Ветке Емельян Пугачёв был наречён Петром III. Чтение было своего рода культом у староверов – помимо этики труда и равнодушия к алкоголю. Люди также бережно относились к своей устной речи. Ан-

дрей Андреевич вспоминал о своём дедушке Матвее: «Человек от природы сдержанный, он обладал глубоким внутренним тактом. Не могу вспомнить, чтобы когда-нибудь он по-настоящему выругался». Таким стал и сам Громыко. Нет ни одного воспоминания о нём, в котором кто-то сказал об услышанном от него крепком слове. Выволочкой от Громыко считались такие «ругательства», как «странный вы человек», «шляпа» или «тюфяк». Не удивительно, что Ветка была знаменита своими книгарями – так называли в тех краях создателей книг. Хорошо читать и писать умели и отец деда, Андрей Матвеевич, и Ольга Евгеньевна, его мать. В деревне её так и называли «тётя Оля-профессор».

Что касается нелёгкого физического труда, то Андрей Андреевич приобщился к нему в возрасте 7–8 лет. Трудился в основном в поле вместе с отцом и матерью. В конце жизни он поблагодарит те сложные обстоятельства детства, которые формировали его характер. Староверами и их судьбой он будет интересоваться всю жизнь. Вспоминаю,

Рональд Рейган и Андрей Громыко на переговорах в Белом доме

Дом семьи в деревне Старые Громыки

как в середине 1980-х годов дед с большим увлечением читал статьи в советской печати и делился с членами семьи своими впечатлениями о жизни староверов, поселения которых были тогда обнаружены учёными в глухих таёжных местах.

Два слова о фамилии Громыко*. В среде, в которой жил Андрей Андреевич, она почти не употреблялась, ведь её носили все вокруг. И не только в Старых Громыках, но и в Новых, а также в селе Потёсы. Называли же семьи по прозви-

Ольга Евгеньевна
и Андрей Матвеевич Громыко

щам, чтобы различать друг друга. У семьи деда прозвище было Бурмаковы. Сам он считал, что жители тех мест принадлежали к славянам-радимичам. А фамилия произошла от фамилии воеводы Громыко. Кто воевал под его командованием, тот и брал эту фамилию – распространённая практика тех древних времён.

Так на обоих берегах реки Беседь и образовалось две деревни – Старые и Новые Громыки. Дед родился и жил в первой. То были места, где русская и белорусская речь были перемешаны. В «Памятном» он вспоминает об известном белорусском танце с песней «Лявони́ха» и приводит её начало на белорусском: «А Лявоніху Лявон палюбіу, Лявонісе чаравічкі купіу». Уже в другую эпоху под началом Богдана Хмельницкого служил полковник Михайло Громыко. Гетман направил Михайло в Корсунь для привлечения на свою сторону новых людей. Там в 1649 году полковник был убит. Но его сын Василий Громыко позже ездил посланцем Хмельницкого в Москву.

С детства ещё одной страстью Андрея Андреевича была история. Важно то, что для него она всег-

да была историей живой, которую он примерял на себя и на своё время. В «Памятном» он рассказывает о своём посещении знаменитой деревушки Лесная между Могилёвым и Славгородом. Там в 1708 году Меншиков разбил резервную армию Карла XII. Дед описывает и огромный интерес, с которым он и его сверстники раскапывали древние курганы на околицах Старых Громык, пытались разгадать их тайну...

Своей малой родиной Андрей Андреевич называл «поселения, леса, луга, поля, которые раскинулись между верховьями Днепра и Десны, в бассейне Сожа, у речки Беседь». Он писал: «Всё, что окружало Старые Громыки, я обожал...» И ещё одна цитата: «Первое сильное чувство, пробудившееся во мне, – чувство любви к родным местам, к дому, в котором родился». А это был дом на окраине деревни из двух комнат, в каждой из которых размещалось по одной семье.

В воспоминаниях Громыко большая роль отводилась Гомелю, он называл его «городом моего детства», считал на основе новых археологических открытий, что он возник не в 1142 году согласно летописи как Гомий, а намного раньше, в IX–X веках. Среди прочего Гомель запомнился ему спичечной фабрикой «Везувий», которая произвела на него в юности большое впечатление. Много лет спустя, в 1939 году, образ этой фабрики вернётся к Громыко, когда вместе с К.А. Уманским, в то время советским послом в США, он будет на итальянском корабле «Рекс» переплывать Атлантику из Генуи с заходом в порт Неаполя и посещением Помпеи.

С детства Андрей Андреевич возненавидел войну, что ярко отразилось во всей его дипломатиче-

Андрей Громыко с сыном Анатолием (на переднем плане) и внуками Алексеем (слева) и Игорем. Начало 1980-х годов

него был назван автор этой статьи. Были убиты и двое братьев отца Андрея Андреевича. У его жены Лидии Дмитриевны, моей бабушки, погиб единственный брат Аркадий. Вся последующая деятельность А.А. Громыко на государственных постах зиждилась на двух постулатах: не допустить ничего, что предало бы память колоссального количества жертв советского народа, и сделать всё, чтобы предотвратить новую большую войну. Отсюда и его знаменитая максима: лучше десять лет переговоров, чем один день войны.

Впечатления и воспоминания о детстве и юности, пережитые тогда эмоции, как и интеллектуальное становление, пример старших членов семьи, традиции и нравы староверов, стали фундаментом жизни Андрея Андреевича, сформировали его как личность – человека принципов, железной внутренней дисциплины, высоких идеалов и здравого смысла. ☸

** В Беларуси фамилия Громыко, как и другие подобные фамилии, произносится и пишется с «а» на конце.*

ской деятельности. Тяжёлыми ранними воспоминаниями Громыко стали бесчинства немцев на Гомельщине в 1918 году. Его дед Матвей чудом не был убит, когда пытался помешать немцам угнать с их двора единственную корову. После этого дети в семье своего молока больше не пили. Позже Громыко вспоминал: «Уже тогда в моём сознании запала мысль, что война между государствами – великое зло...» Его отец, Андрей Матвеевич, воевал

дважды – в Русско-японскую войну и в Первую мировую на Юго-Западном фронте под командованием генерала Брусилова, где был ранен. Умер он в 1933 году в возрасте 57 лет. Мать Андрея Андреевича в 1941 году оказалась на оккупированной территории, позже была оттуда вывезена и скончалась в Москве в 1948 году.

В Великую Отечественную погибли два младших брата Громыко – Фёдор и Алексей. В честь послед-

Памятник Громыко в г. Гомеле

Надгробие на могиле Андрея Андреевича Громыко на Новодевичьем кладбище в Москве